

УДК 94(47).053
DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-1-71-81

Эпоха Петра I в историческом сознании декабристов

Т. В. Андреева

*Санкт-Петербургский институт истории РАН
Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация

Статья посвящена изучению отношения членов тайных политических организаций первой четверти XIX в. к личности и реформаторской деятельности Петра I, выявлению их оценок роли «реформатора на троне» в истории России, а также значения последствий и результатов грандиозных преобразований. Показано, что различные характеристики декабристов событий первой четверти XVIII в. были обусловлены соединением в декабристском историческом сознании западнических и самобытных тенденций. Неоднозначное отношение «мятежных реформаторов» к реформам Петра I основывалось на петровской компромиссной концепции государственного строительства по западным образцам с их адаптацией к российским условиям, что обусловило «догоняющую модель» развития России. Осознавая взаимосвязь утверждения самодержавной государственной системы и создания новой социальной структуры, декабристы отрицательно относились к оформлению в петровское время нового типа авторитарной государственности.

Ключевые слова

Россия, первая четверть XVIII столетия, Петр I, реформы, декабристское историческое сознание

Для цитирования

Андреева Т. В. Эпоха Петра I в историческом сознании декабристов // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 1: История. С. 71–81. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-1-71-81

The Epoch of Peter I in the Historical Consciousness of the Decembrists

T. V. Andreeva

*St. Petersburg Institute of History RAS
St. Petersburg, Russian Federation*

Abstract

The article analyses the attitude to the Petrine era shared by the members of the secret political societies in the first quarter of the 19th century. The study focuses on the assessments of the personality of Peter I, his reform activities and its aftermath for Russian history that were stated by the participants of the Decembrist revolt. Although only some of the Decembrists had a professional background as historians, the comprehension of grandiose state transformations in the first quarter of the 18th century was significantly important for the majority of the plotters. The author shows that various assessments of the Decembrists Petrine era were determined by the combination in their historical consciousness of westernism and ideas of Russian identity. Decembrists, as people of their epoch, had different views on Peter I: from idealization to censure. Their ambiguous attitude to the reforms of Peter I was based on the Petrine compromise concept of state-building according to Western models with their adaptation to Russian conditions, which led to the “catching-up model” of Russia’s development, its secondary nature in relation to Western civilization. Realizing the interconnection between the establishment of an autocratic state system and the creation of a new social structure, the Decembrists, especially the authors of historical and political books and treatises, reacted negatively to the for-

© Т. В. Андреева, 2021

mation in Peter's time of a new type of statehood – a “regular state” – with its comprehensive control, suppression of individual liberty and legal consolidation of serfdom.

Keywords

Russia, 1st quarter of the 18th century, Peter I, reforms, Decembrist historical consciousness

For citation

Andreeva T. V. The Epoch of Peter I in the Historical Consciousness of the Decembrists. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 1: History, p. 71–81. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-1-71-81

Известен постоянный и большой интерес декабристов к отечественной истории. Во многом это было обусловлено задачами исторического обоснования движения тайных политических обществ, утверждения закономерности их появления в российском цивилизационном процессе, подтверждения правомерности борьбы с самодержавием. В. И. Штейнгейль на следствии, выражая общую точку зрения членов «Тайного общества», подчеркивал: «...ничто так не озарило ума моего, как прилежное чтение истории с размышлением и соображением. Одни сто лет от Петра Великого до Александра I сколько содержат в себе поучительных событий к утверждению в том, что называется свободомыслием» (Восстание декабристов, 1976. С. 177).

Среди декабристов было немало тех, кто профессионально занимался историческими изысканиями. Прежде всего это Н. А. Бестужев, А. О. Корнилович и В. Д. Сухоруков, которые свой ученый потенциал реализовывали как в деятельности официальных комитетов, литературных и исторических обществ, так и в исследовательской работе. Н. А. Бестужевым, в 1822 г. прикомандированным к Адмиралтейскому департаменту для сбора материалов и «составления» истории флота России, была написана книга «Опыт истории российского флота», в которой доминирующее внимание уделено его рождению в петровскую эпоху [Павлова, 1953. С. 1–84; Барановская, 1954. С. 4–12]. Один из первых исследователей экономической истории России в царствование Петра I А. О. Корнилович в 1816–1820 гг. вел изыскания в Московском архиве Коллегии иностранных дел по заданию Комитета по военной истории XVIII в. [Грумм-Гржимайло, 1932. С. 324–326; 1961. С. 180–185]. Его друг В. Д. Сухоруков в 1822–1825 гг. занимался историей «донской вольности» XVIII в. в Комитете об устройстве войска Донского. Результатом этой работы стало «Историческое описание земли Войска Донского», вышедшее из печати в 1828 г. [Попов, 1901]. Участвовали декабристы и в полемике конца 1810-х – начала 1820-х гг. вокруг «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина. В основе критического отношения к труду официального историографа лежали, как разногласия их идеологических воззрений, так и разница взглядов на концепцию развития России и исторический источник. И если А. А. Бестужев, Н. М. Муравьев, М. Ф. Орлов, М. А. Фонвизин подвергли «Историю» обстоятельной критике за ее официально-охранительную направленность [Волк, 1958. С. 45, 141, 439; Козлов, 1989. С. 65–145; Андреева, 1986. С. 64, 69, 72, 78–82], то А. О. Корнилович, имевший «археологические труды» и ученые связи с археографом П. М. Строевым, – за некритическое отношение к источникам и нигилизм в отношении к личности и реформам Петра I [Грумм-Гржимайло, 1956. С. 255–259; Андреева, 1986. С. 44–50; 2015. С. 21–25]. В 1820–1825 гг. декабристами издавался ряд альманахов – «Русская старина» А. О. Корниловича и В. Д. Сухорукова, «Звездочка» и «Полярная звезда» А. А. Бестужева и К. Ф. Рылеева, в которых пропагандировались идеи исторического романтизма и подчеркивалось значение «благотворного царствования Петра Великого» для развития просвещения, культуры, науки в России [Гофман, 1934; Кафенгауз, 1956; Волк, 1958. С. 291–293, 368–370] (см. также: Полярная звезда, 1960. С. 12, 199, 288, 291–295).

Исследование исторических взглядов декабристов имеет основательную историографическую традицию, нашедшую отражение в работах советских историков А. Г. Грумм-Гржимайло, С. С. Волка, Б. Б. Кафенгауза. Однако специальное исследование декабристского исторического сознания в контексте реформаторской политики Петра I не проводилось. Между тем одной из главных задач осмысления самими декабристами феномена тайных политиче-

ских обществ как в 1810-х – 1820-х гг., так и в сибирский период, было выявление исторической основы возникновения движения тайных организаций в России и демонстрация главной идеи, что «Тайное общество» лишь звено в цепи общественных тенденций и борений, направленных на поиски механизмов ограничения самодержавия [Андреева, 2009. С. 316–320]. По словам М. С. Лунина, «тайный союз не отдельное явление и не новое для России. Он связывается с политическими сообществами, которые одно за другим в продолжение более века, возникали с тем, чтобы изменить формы самодержавия» (Лунин, 1988. С. 68). Стремясь определить социально-политические и экономические причины возникновения и укрепления в России самодержавной государственности, декабристы в своем научном творчестве, мемуаристике и эпистолярии большое внимание уделяли сложной и переломной эпохе царствования Петра I.

В данной статье ставится задача изучить декабристский взгляд на отечественную историю первой четверти XVIII в., выявить различные концепции петровской эпохи, рассмотреть важнейшие отличия в отношении декабристов к личности и реформаторской деятельности Петра I, в оценках его роли в истории России. Актуальность, новизна и научная значимость исследования обусловлены как отсутствием специальных работ, посвященных данной проблеме, так и рассмотрением ее в контексте формирования исторического сознания декабристов и обоснования ими движения тайных политических обществ. В статье рассматриваются взгляды на реформы Петра I тех декабристов, в чьих исторических сочинениях, историко-политических трактатах, записках и письмах представлены более или менее подробные характеристики и оценки петровских преобразований.

Имя Петра Великого постоянно встречается на страницах декабристской исторической и историософской литературы, в их воспоминаниях, письмах и историко-политических сочинениях, которые являются основными источниками данного исследования. Ведь «мятежные реформаторы» в своих размышлениях о реформаторстве, его особенностях применительно к различным эпохам и странам прежде всего обращались к анализу реформ Петра I, стремясь понять их сущность и выявить значение для цивилизационной судьбы России.

В исторических воззрениях декабристов на петровские преобразования существуют два периода. В первый период, т. е. во второй половине 1810-х – начале 1820-х гг., в поисках патриотической символики, целях политического воспитания и формирования национального самосознания русского общества [Бокова, 2003. С. 324–335] прежде всего декабристы-историки – специалисты по петровской эпохе – А. О. Корнилович и Н. А. Бестужев – обратились к изучению «великих деяний» Петра I. Их творчество пришлось на время, которое с полным основанием можно назвать эпохой историзма и которое отражало характерный для русской исторической мысли переход от рационалистического Просвещения к историческому романтизму. Интерес к истории, поиски ее новых теоретических оснований, острая полемика вокруг интерпретации и оценок событий прошлого сочетались с потребностью в строго объективном, научном осмыслении исторического материала. Пересматривался сам взгляд на науку: любопытство дилетанта уступало место научному интересу исследователя. Поэтому не удивительно, что декабристы-историки стремились к источниковедческой точности в повествовании, хотя им были характерны элементы идеализации Петра I и его реформаторской деятельности. А. О. Корнилович хотя был принят весной 1825 г. в Южное общество С. И. Муравьевым-Апостолом [Ильин, 2004. С. 62], но по своим политическим убеждениям являлся приверженцем конституционной монархии, считал, что единственной политической силой, способной осуществлять преобразования, является власть царя-преобразователя, и потому оценивал петровские реформы весьма высоко, считал их важным этапом в социально-политической эволюции России. Особое внимание он обращал на экономические последствия преобразований, т. е. на развитие торговли и промышленности. Историк подчеркивал, что «только в XVIII веке торговля, промышленность, просвещение вывели народ из оцепенения, пробудили в нем деятельность» [Грумм-Гржимайло, 1956. С. 257; Лотман, 1961].

В позитивной оценке преобразований Петра I его поддерживали также либералы-монархисты Г. С. Батеньков, М. Ф. Орлов, В. Ф. Раевский. На заседании Киевского отделения Библейского общества 11 августа 1818 г. М. Ф. Орлов подчеркивал, что именно Петр Великий дал толчок народному образованию, «породил науки и художества в Отечестве и заставил его насильственно вступить в состав европейских держав». В письме И. И. Дибичу от 1 сентября 1820 г., развивая свою образовательную программу, он указывал, что именно Петр I был создателем военного воспитания в России (Орлов, 1963. С. 47, 52, 66). В. Ф. Раевский в исторической работе 1821–1822 гг., посвященной сопоставлению царствований Петра I и Селима III, считал, что успехи российского царя, который «имел удачу, и Россия, вышедшая вдруг из своего невежества и неизвестности, шла быстрыми шагами к своему благоденствию», во многом основывались на его религиозной и социальной политике (Раевский, 1981. С. 101–102). Г. С. Батеньков в письмах А. А. и А. П. Елагиным от 15 апреля 1824 г., 3 февраля 1825 г. писал о важности социально-политических «реформ времен Петра Великого», который «боролся с дикостью во имя образования» (Батеньков, 1989. С. 42, 178, 190).

Восхищение личностью и реформаторской деятельностью Петра I было характерно и для Н. А. Бестужева, в 1822 г. назначенного историографом русского флота. В упоминаемой книге «Опыт истории российского флота» он подчеркивал, что создание русского регулярного флота произошло при Петре I, и тогда же состоялась первая морская победа России при Гангуте в 1714 г. Историк-декабрист писал: «Мы благоговеем к памяти Петра. Он создал флот, на котором мы приплыли с земли варварства на землю образованности» (Бестужев, 1961. С. 7). Ретроспективно вспоминая свою работу в архиве морских сил при Адмиралтейском департаменте и сокрушаясь его плохой сохранностью, Н. А. Бестужев подчеркивал, что в силу этого «в самих великих намерениях Петра, в его великих делах... видна какая-то темнота, пропуски, скачки, неестественные переходы – и все это от недостатка материалов» (Бестужев, 2013. С. 378).

Во второй, т. е. сибирский, период, нашедший наиболее яркое воплощение в эпистолярном творчестве декабристов, их историко-политических трактатах, акцент сместился на институциональные и социальные реформы Петра I. При этом декабристские характеристики стали более сдержаны, в них уже подчеркивалось, что при Петре Великом были «новшества, как хорошие, так и дурные, как серьезные, так и ничтожные». В своем большинстве декабристы позитивно оценивали введение коллегиальной системы управления, которая хотя и не давала быстрый ход делам, но представляла собой «совокупность традиций, методов и укоренившихся привычек», которые помогали противостоять коррупции и произволу чиновников, чего не обеспечивали, по их мнению, министерские канцелярии и кабинеты. Тот же Н. А. Бестужев увидел даже в коллегиальной системе и социальном строе России при Петре I «демократические начала». В письме С. П. Трубецкому от 16 октября 1850 г. он подчеркивал: «...все наши земские и городские постановления суть чисто демократические (правда в нынешнее время довольно попорченные). Рассмотрите все узаконения Петра, поистине Великого: его Сенат, Синод и все коллегиальные управления, как совещательные, так и исполнительные... все основано на мирском согласии». Критикуя Н. И. Тургенева за его, как он считал, нигилизм в отношении петровских реформ, Н. А. Бестужев эмоционально писал С. Г. Волконскому 16 февраля 1850 г., что нельзя «обвинять Петра за то, что он нас образовал и силою подвинул вперед всех европейских народов, дав свободные постановления... Скажите мне: не демократические ли начала развиты нашим законодательством, где каждый талант, каждая заслуга, а не просто рождение, дают ход человеку? Г. Тургенев величает его тираном!! Я люблю без памяти этого тирана, который научил меня употреблять свои права и голос» (Бестужев, 2013. С. 591, 595).

«Колоссом», обладавшим «обширным умом, могучим как империя, которую он основал», называл Петра I П. Н. Свистунов в письме А. Н. де Мальвираду от 15 июня 1837 г. (Свистунов, 2002. С. 248). И. И. Пущин в письме неизвестному от 27 марта 1843 г. подчеркивал свое «поклонение к Петру, исполину всех времен». В этой связи он считал оскорбительным для

«великого преобразователя России» его сравнение с Николаем I: «Тот шел гигантскими шагами вперед, истребляя все, останавливающее его бег... Все распоряжения Петра, самые его жестокости, освящены всеобъемлющею любовью к Отечеству» [Пушин, 1988. С. 191]. На этом же аспекте правительственной политики Петра I акцентировал внимание своего корреспондента Г. С. Батеньков в письме И. И. Пущину от 4 апреля 1855 г., говоря о царе-реформаторе как «добром авторитете», который дал России «дозу прогресса» (Батеньков, 1989. С. 343).

Безусловно, декабристский взгляд на петровскую эпоху был упрощенным, соединяя в себе западнические и самобытные тенденции. В силу этого панегирики Петру I Н. А. Бестужева и И. И. Пущина не отражали реальные исторические процессы. Ведь «демократичность» петровских преобразований, изменение принципа продвижения по службе и создание «Табели о рангах» были направлены на формирование «служилой структуры общества», а само социальное реформирование обуславливалось необходимостью укрепления и усовершенствования российской самодержавной государственности [Власть и реформы..., 1996. С. 120–148].

Что же касается Н. И. Тургенева, то надо сказать, что именно для него был характерен наиболее глубокий и взвешенный взгляд на Петра I как первого «реформатора на троне». В историко-политическом сочинении «Россия и русские», созданном в конце 1830-х – начале 1840-х гг., он уделял много внимания его личности и реформаторской деятельности. В декабристской «копилке» это наиболее крупный и даже концептуальный пласт оценочного материала относительно петровской эпохи, поэтому в данной статье взглядам и концепции Н. И. Тургенева уделяется приоритетное внимание. Прежде всего следует подчеркнуть, что декабрист с особой осторожностью относился к безудержному восхищению Петром со стороны своих современников, в том числе ссыльных декабристов. Он связывал это восхищение со стремлением общества найти разумное и удовлетворительное объяснение «жестоким и радикальным преобразованиям – детищу великого человека, который, не дав своей стране свободы, все же принес ей славу». Анализируя феномен реформаторства, Н. И. Тургенев писал, что «счастливы реформаторы, имеющие перед собой уже готовую почву... обновление будет совершаться последовательно, проникая повсюду». Однако в России первой четверти XVIII в., когда существовала объективная потребность в преобразованиях, отсутствовали «благоприятные условия для их осуществления». Именно в этом декабрист видел основу разрушительного характера реформаторства Петра I: «Чтобы строить, ему приходилось многое разрушать... В общем, и разрушение, и созидание являются не чем иным, как преобразованием... Великие разрушители способны разрушать только потому, что обладают зерном истины, которая проявится позже». В данном контексте Н. И. Тургенев стремился подчеркнуть некоторые позитивные результаты петровских реформ. По его мнению, генезис формирования судебно-правовой системы, прежде всего уголовного судопроизводства в России, первые опыты систематизации отечественных законов относятся к петровской эпохе. Видел декабрист и прогрессивное значение указов Петра I, направленных на смягчение крепостного права и запрещающих продажу владельческих людей порознь и с раздроблением семейств (Тургенев, 2001. С. 142, 215, 247, 305, 381, 382, 399).

Особое внимание в оценке преобразовательного процесса первой четверти XVIII в. наиболее видные декабристы уделяли вторичности, «догоняющей модели» развития России. Они считали, что успехи цивилизации в петровскую эпоху свелись лишь к внешним формам, а сама «неполноценная цивилизованность» обусловила укрепление самодержавия при Петре I. В. И. Штейнгейль обвинял царя в уничтожении земских соборов как важнейших элементов представительства. В своем реформаторстве, перенимая науки и «все мелочное», Петр, по его мнению, не взял главного – представительные учреждения (Штейнгейль, 1985. С. 123). «Петр не собирал Земской Думы, пренебрегая мнением своего народа и отстраняя его от непосредственного участия в своих делах», – вторил ему М. С. Лунин в «Разборе донесения тайной следственной комиссии», завершеном в 1839 г. (Лунин, 1988. С. 77).

Об этом же писал М. А. Фонвизин, который, критикуя не только методы, но и задачи преобразований, считал, что целью Петра I, взявшего лишь внешнюю сторону европейского развития, было не «благосостояние народа», а лишь развитие «исполинского могущества его империи». В статье «О подражании русских европейцам» декабрист писал, что «дух европейской цивилизации – дух законной свободы и гражданственности был ему, деспоту, чужд и противен» (Фонвизин, 1982. С. 20, 297–302).

А. В. Поджио в исторической «Записке», относящейся к первой половине 1870-х гг., также сокрушался: «Нет, он не творитель, а подражатель», а предпринятая им ломка, когда он Россию «окунул головою в иноземщину», отзывается «наследственной татарщиной». Раздумывая над сущностью реформаторства Петра I, декабрист подчеркивал, что его преобразования не являлись «творчеством вдохновительной силы, которая истекает из самого себя». «Ломовик-преобразователь», «варвар по природе, по наклонности, по убеждению», он был «подражатель полуобразованный», а его преобразования «насильственные, несвоевременные и ненародные отзываются узким, ложным воззрением скороспелого государственного человека» (Поджио, 1989. С. 81, 82, 84–89).

Об этом же писал Н. И. Тургенев, указывая, что Петр I не усвоил по-настоящему систему европейских ценностей, накладывал модель развития просвещенной Европы на неподготовленную Россию, «заботился более о видимости, чем о сущности, более о внешнем блеске, нежели о содержании», не осознавал, что в наиболее цивилизованных европейских странах общественные институты развивались постепенно: «...все там существующее имеет свои корни и источники в прошлом». По его мнению, особенность избранного Петром Великим исторического пути России не в том, что он предпочел «именно этот, а не иной путь», а в том, что вместо того, чтобы двигаться «осторожно и умеренно», «рванул по нему с жаром и поспешностью, весьма похожей на легкомыслие». При этом спустя некоторое время оказалось, что у Европы было взято «больше пустяков и поверхностного, нежели истинно полезного». Заимствование у европейцев одежды и манер не сделали русский народ европейцами, а только замедлили «его движение к настоящей цивилизации» (Тургенев, 2001. С. 350–351).

Помимо этого, декабрист считал, что в основе стремления Петра заимствовать шведские установления, адаптировать их к российским условиям лежало стремление совершенствовать прежде всего самодержавную государственную систему, усилить ее путем формирования «регулярной» государственности и расширения крепостнических отношений. И хотя прагматической целью введения нового принципа налогообложения и проведения в 1718–1724 гг. подушной переписи населения было обеспечение взимания государственных налогов, нужных для содержания армии, а также равномерного распределения рекрутских наборов, но реальным последствием податной реформы стало распространение крепостнических отношений на казенных поселян и превращение крепостной зависимости владельческих крестьян в «настоящее рабство». «Дурные последствия» податной реформы обусловили переход к личной, а не поземельной зависимости владельческих крестьян и укрепление крепостничества (Тургенев, 2001. С. 228–230, 305). Н. И. Тургенев также утверждал, что предоставление права получения наследственного дворянства на государственной службе и введение майоратов способствовали расширению социальной основы и укреплению власти Петра I путем ослабления формирующегося дворянского сословия. При этом государственная служба, составлявшая одновременно обязанность и привилегию дворянина, которой царь придавал особое значение, становилась рычагом этих процессов. Создавая свою знаменитую «Табель о рангах», как считал декабрист, «Петр стремился все подчинить своей власти». В результате «могущество монарха» усилилось, и «стала невозможной даже тень независимости в единственном сословии, которое могло быть хоть сколько-нибудь к этому способно» (т. е. к независимости. – Т. А.). Кроме этого, введение «Табели» привело к тому, что и в XIX в. представители русского дворянства, отличающиеся просвещенностью, образованностью, опытом и «основательными познаниями, приобретенными в управлении», не используются прави-

тельством, поскольку для исполнения любой государственной должности нужен соответствующий чин, которого почти никто не достигает (Тургенев, 2001. С. 185, 186).

На имперскую политику как важнейший мотивационный аспект реформаторского процесса первой четверти XVIII в. обращал внимание читателей в упоминаемой «Записке» А. В. Поджио. По его мнению, задачи формирования и расширения Российской империи во многом обуславливали преобразовательную программу Петра I. Хотя приведенный ниже текст зачеркнут автором, но он дает полное представление об отношении декабриста к «деяниям Петра Великого», который стремился «скрепить и увеличить скипетр», «вот цель, к которой при железной своей воле он шел неуклонно, неослабно в течение всего своего царства! Цель эта требовала глубокой коренной ломки и целого общественного переворота!» (Поджио, 1989. С. 77–78).

Надо сказать, что в историческом сознании декабристов сибирского периода совершенно четко просматривается отделение объективных процессов от субъективного фактора, дающее представление об отношении к личным качествам Петра I и их роли в судьбоносных для страны реформах. И хотя чаще всего декабристы не дают им моральную оценку, но связывают с его реформаторской деятельностью. Так, лишение «всех свобод» малороссийских казаков, по мнению Н. И. Тургенева, было обусловлено изменой гетмана Мазепы и мстительностью Петра, который воспользовался этим. В мотивах уничтожения патриаршества декабрист также видел не столько «действительные и практические неудобства», которые оно представляло государству, сколько деспотический нрав императора (Тургенев, 2001. С. 199, 280–281).

Итак, для декабристского исторического сознания характерны три тенденции: 1) сознательная идеализация «северного исполина», формирование образа идеального монарха, давшего жизни государству и обществу иное направление; 2) критическое отношение к насильственным методам изменения Петром I хода исторических часов России, к его стремлению «с такой беспощадностью перевернуть все в стране»; 3) спокойная и взвешенная оценка преобразовательных изломов петровской эпохи, понимание сложности и трагизма российского реформаторского процесса.

И еще хочу добавить, что Н. И. Тургенев, раздумывая о будущем России, подчеркивал, что если бы появился «новый, просвещенный Петр I, который с такой же энергией взялся бы за установление истинной европейской цивилизации, с какой этот царь вводил ложную», то ее судьба была бы иной. В целом же декабристы полагали, что, как бы ни оценивать реформы Петра Великого, этого «гиганта в истории России», но бесспорно одно, что он «трудился для цивилизации или для того, что он ею считал». В этом его «главная заслуга как человека и государя», поскольку «у России нет выбора: она должна или открыто примкнуть к цивилизации, или примириться с поражением» (Тургенев, 2001. С. 359, 362).

Итак, можно сделать следующие выводы.

1. В теоретико-методологическом аспекте для исторического сознания декабристов было характерно соединение западных и самобытных тенденций, что обусловило их различные концепции петровской эпохи и разные оценки личности и преобразовательной деятельности Петра I.

2. Неоднозначная оценка декабристами последствий и результатов грандиозных преобразований Петра I была основана на его компромиссной концепции государственного строительства по западным образцам с их адаптацией к российским условиям. Это обусловило «догоняющую модель» развития России, ее вторичность по отношению к западной цивилизации, которую подчеркивало большинство декабристов.

3. Декабристы осознавали взаимозависимость институциональных и социальных процессов, взаимосвязь формирования новой самодержавной государственной системы и создания нового общественного порядка.

4. Именно эта взаимосвязь в понимании декабристов – авторов историко-политических книг и трактатов (Н. И. Тургенева, М. С. Лунина, М. А. Фонвизина) – обусловила создание

к концу царствования Петра I нового типа государственности – «регулярного государства» с его всеобъемлющим государственным контролем, ограничением юридических прав свободного состояния, укреплением и расширением крепостнических отношений.

Список литературы

- Андреева Т. В.** П. М. Строев и развитие русской исторической науки в первой трети XIX в.: Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1986. 204 с.
- Андреева Т. В.** Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. СПб.: Лики России, 2009. 912 с.
- Андреева Т. В.** Декабристы и П. М. Строев: к истории научных связей // Вестник Санкт-Петербург. гос. ун-та. Серия 2. История. 2015. Вып. 4. С. 20–32.
- Барановская М. Ю.** Декабрист Николай Бестужев. М.: Госкультпросветиздат, 1954. 296 с.
- Бокова В. М.** Эпоха тайных обществ. Русские общественные объединения первой трети XIX в. М.: Реалии-Пресс, 2003. 656 с.
- Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. 800 с.
- Волк С. С.** Исторические взгляды декабристов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 461 с.
- Гофман В.** Литературное дело Рылеева // Рылеев К. Ф. Полн. собр. стихотворений. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1934. С. 1–80.
- Грум-Гржимайло А. Г.** А. О. Корнилович – исследователь архивных источников и археограф // Исторический архив. 1961. № 2. С. 180–199.
- Грум-Гржимайло А. Г.** Декабрист А. О. Корнилович (жизнь и литературная деятельность) // Декабристы и их время. М., 1932. Т. 2. С. 324–356.
- Грум-Гржимайло А. Г.** Декабрист А. О. Корнилович и археограф П. М. Строев // Исторический архив. 1956. № 4. С. 255–259.
- Ильин П. В.** Новое о декабристах. Прощенные, оправданные и необнаруженные следствием участники тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг. СПб.: Нестор-История, 2004. 663 с.
- Кафенгауз Б. Б.** Об исторических взглядах декабристов // Доклады и сообщения Института истории АН СССР. М., 1956. Вып. 10. С. 27–50.
- Козлов В. П.** «История Государства Российского» Н. М. Карамзина в оценке современников. М.: Наука, 1989. 221 с.
- Лотман Ю. М.** Неизвестные и утраченные исторические труды А. О. Корниловича // Русская литература. 1961. № 2. С. 120–127.
- Павлова Г. Е.** Декабрист Николай Бестужев – историк русского флота. М.: Воениздат, 1953. 84 с.
- Попов И. П.** К биографии В. Д. Сухорукова // Сборник Областного Войскового Донского Статистического Комитета. Новочеркасск, 1901. Вып. 1. С. 15–47.

Список источников

- Восстание декабристов. Документы. М.: Наука, 1976. Т. 14. 608 с.
- Батеньков Г. С.** Сочинения и письма: В 2 т. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1989. Т. 1: Письма (1813–1856). 524 с.
- Бестужев Н. А.** Опыт истории российского флота. Л.: Гос. союз. изд-во судостроительной промышленности, 1961. 172 с.
- Бестужев Н. А.** Сочинения и письма. Иркутск: Мемориальный музей декабристов, 2013. 747 с.

- Лунин М. С. Письма из Сибири. М.: Наука, 1988. 492 с.
- Орлов М. Ф. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 374 с.
- Поджио А. В. Записки, письма. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1989. 591 с.
- Полярная звезда, изданная А. Бестужевым и К. Рылевым. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 1014 с.
- Пушин И. И. Записки о Пушкине. Письма. М.: Худож. лит., 1988. 559 с.
- Раевский В. Ф. Материалы о жизни и революционной деятельности: В 2 т. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1981. Т. 1: Документы о революционной деятельности и судебном процессе. 415 с.
- Фонвизин М. А. Сочинения и письма: В 2 т. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1982. Т. 2: Сочинения. 430 с.
- Свистунов П. Н. Сочинения и письма: В 2 т. Иркутск: Мемориальный музей декабристов, 2002. Т. 1: Сочинения и письма (1825–1840). 415 с.
- Тургенев Н. И. Россия и русские. М.: ОГИ, 2001. 743 с.
- Штейнгейль В. И. Сочинения и письма: В 2 т. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1985. Т. 1: Записки и письма. 448 с.

References

- Andreeva T. V. Dekabristy i P. M. Stroev: k istorii nauchnykh svyazei [The Decembrists and P. M. Stroev: the History of Scientific Relations]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Istoriya [Bulletin of St. Petersburg State University. Series 2. History]*, 2015, iss. 4, p. 20–32. (in Russ.)
- Andreeva T. V. P. M. Stroev i razvitie russkoi istoricheskoi nauki v pervoi treti XIX v. [P. M. Stroev and the Development of Russian Historical Science in the 1st Third of the 19th Century]. Diss. of Cand. Hist. Sci. Leningrad, 1986, 204 p. (in Russ.)
- Andreeva T. V. Tainye obshchestva v Rossii v pervoi treti XIX v.: pravitel'stvennaya politika i obshchestvennoe mnenie [Secret Societies in Russia in the 1st Third of the 19th Century: Government Policy and Public Opinion]. St. Petersburg, Liki Rossii, 2009, 912 p. (in Russ.)
- Baranovskaya M. Yu. Dekabrist Nikolai Bestuzhev [Decembrist Nikolai Bestuzhev]. Moscow, Goskultprosvetizdat, 1954, 296 p. (in Russ.)
- Bokova V. M. Epokha tainykh obshchestv. Russkie obshchestvennye ob'edineniya pervoi treti XIX v. [The Era of Secret Societies. Russian Public Associations of the 1st Third of the 19th Century]. Moscow, Reali-Press, 2003, 656 p. (in Russ.)
- Gofman V. Literaturnoe delo Ryleyeva [Ryleev's literary work]. In: Ryleev K. F. Polnoe sobranie stikhotvorenii [Complete Collection of Poems]. Leningrad, 1934, p. 1–80. (in Russ.)
- Grumm-Grzhimailo A. G. A. O. Kornilovich – issledovatel' arkhivnykh istochnikov i arkheograf [A. O. Kornilovich – Researcher of Archival Sources and Archaeographer]. *Istoricheskii arkhiv [Historical Archive]*, 1961, no. 2, p. 180–199. (in Russ.)
- Grumm-Grzhimailo A. G. Dekabrist A. O. Kornilovich i arkheograf P. M. Stroev [Decembrist A. O. Kornilovich and Archaeographer P. M. Stroev]. *Istoricheskii arkhiv [Historical Archive]*, 1956, no. 4, p. 255–259. (in Russ.)
- Grumm-Grzhimailo A. G. Dekabrist A. O. Kornilovich (zhizn' i literaturnaya deyatel'nost') [Decembrist A. O. Kornilovich (Life and Literary Activity)]. In: Dekabristy i ikh vremya [Decembrists and Their Time]. Moscow, 1932, vol. 2, p. 324–356. (in Russ.)
- Ilyin P. V. Novoe o dekabristakh. Proshchennye, opravdannye i neobnaruzhennye sledstviem uchastniki tainykh obshchestv i voennykh vystuplenii 1825–1826 gg. [New about the Decembrists. Forgiven, Justified and Undetected by the Investigation Participants of Secret Societies and Military Actions of 1825–1826]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2004, 663 p. (in Russ.)

- Kafengauz B. B.** Ob istoricheskikh vzglyadakh dekabristov [On the Historical Views of the Decembrists]. In: Doklady i soobshcheniya Instituta istorii AN SSSR [Papers and Reports of the Institute of History of the USSR Academy of Sciences]. Moscow, 1956, iss. 10, p. 27–50. (in Russ.)
- Kozlov V. P.** “Istoriya Gosudarstva Rossiiskogo” N. M. Karamzina v otsenke sovremennikov [“History of the Russian State” by N. M. Karamzin in the Assessment of His Contemporaries]. Moscow, Nauka, 1989, 221 p. (in Russ.)
- Lotman Yu. M.** Neizvestnye i utrachennye istoricheskie trudy A. O. Kornilovicha [Unknown and Lost Historical Works of A. O. Kornilovich]. *Russkaya literatura* [Russian Literature], 1961, no. 2, p. 120–127. (in Russ.)
- Pavlova G. E.** Dekabrist Nikolai Bestuzhev – istorik russkogo flota [Decabrist Nikolai Bestuzhev – Historian of the Russian Fleet]. Moscow, Voenizdat, 1953, 84 p. (in Russ.)
- Popov I. P.** K biografii V. D. Sukhorukova [To the biography of V. D. Sukhorukov]. In: Sbornik Oblastnogo Voyskovogo Donskogo Statisticheskogo Komiteta [Collection of the Regional Military Don Statistical Committee]. Novocheboksarsk, 1901, iss. 1, p. 15–47. (in Russ.)
- Vlast’ i reformy. Ot samodержavnoi k sovetskoi Rossii [Power and Reforms. From Autocratic to Soviet Russia]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin, 1996, 800 p. (in Russ.)
- Volk S. S.** Istoricheskie vzglyady dekabristov [Historical Views of the Decembrists]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1958, 461 p. (in Russ.)

List of Sources

- Batenkov G. S.** Sochineniya i pis'ma [Works and Letters]. In 2 vols. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1989, vol. 1, 524 p. (in Russ.)
- Bestuzhev N. A.** Opyt istorii rossiiskogo flota [Experience in the History of the Russian Fleet]. Leningrad, Gosudarstvennoe soyuznoe izdatel'stvo sudostroitel'noi promyshlennosti, 1961, 172 p. (in Russ.)
- Bestuzhev N. A.** Sochineniya i pis'ma [Works and Letters]. Irkutsk, Memorial'nyi muzei dekabristov, 2013, 747 p. (in Russ.)
- Fonvizin M. A.** Sochineniya i pis'ma [Works and Letters]. In 2 vols. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1982, vol. 2, 430 p. (in Russ.)
- Lunin M. S.** Pis'ma iz Sibiri [Letters from Siberia]. Moscow, Nauka, 1988, 492 p. (in Russ.)
- Orlov M. F.** Kapitulyatsiya Parizha. Politicheskie sochineniya. Pis'ma [Capitulation of Paris. Political Writings. Letters]. Moscow, AS USSR Publ., 1963, 374 p. (in Russ.)
- Podzhio A. V.** Zapiski, pis'ma [Notes, Letters]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1989, 591 p. (in Russ.)
- Polyarnaya zvezda, izdannaya A. Bestuzhevym i K. Ryleevym [Polar Star, Published by A. Bestuzhev and K. Ryleev]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1960, 1014 p. (in Russ.)
- Pushchin I. I.** Zapiski o Pushkine. Pis'ma [Notes about Pushkin. Letters]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1988, 559 p. (in Russ.)
- Raevsky V. F.** Materialy o zhizni i revolyutsionnoi deyatel'nosti [Materials on Life and Revolutionary Activity]. In 2 vols. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1981, vol. 1, 415 p. (in Russ.)
- Shteingeil V. I.** Sochineniya i pis'ma [Works and Letters]. In 2 vols. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1985, vol. 1, 448 p. (in Russ.)
- Svistunov P. N.** Sochineniya i pis'ma [Works and letters]. In 2 vols. Irkutsk, Memorial'nyi muzei dekabristov, 2002, vol. 1, 415 p. (in Russ.)

Turgenev N. I. Rossiya i russkie [Russia and Russians]. Moscow, OGI, 2001, 743 p. (in Russ.)
Vosstanie dekabristov. Dokumenty [Decembrist Revolt. Documents]. Moscow, Nauka, 1976,
vol. 14, 608 p. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
02.09.2020

Сведения об авторе

Андреева Татьяна Васильевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
отдела новой истории России Санкт-Петербургского института истории РАН (Санкт-Пе-
тербург, Россия)
ta-a.andreeva2014@yandex.ru
WoS AAE-9846-2019

Information about the Author

Tatyana V. Andreeva, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Department of Modern
History, St. Petersburg Institute of History of the RAS (St. Petersburg, Russian Federation)
ta-a.andreeva2014@yandex.ru
WoS AAE-9846-2019